

Заверенная копия

Протокол допроса свидетеля

Красилов, 22 декабря 1972 г.

Вёл допрос старший следователь управления КГБ при Сов.Мин. УССР по Хмельницкой обл. ст.лейтенант Ткачук по поручению [Генеральной] прокуратуры СССР в связи с просьбой органов юстиции ФРГ.

Моисей Меерович Кац, родился в 1908 г. в Красилове, еврей, беспартийный, имеет образование 5 классов, служащий, живёт в Красилове на ул. Циолковского 6, дал следующие показания:

Во время оккупации я вместе с семьёй жил в Красилове, поскольку не успел эвакуироваться. Тогда Красилов называли местечком. Это было поселение со значительным удельным весом евреев. Многим евреям Красилова, как и мне, не удалось эвакуироваться, и они остались на месте.

Через 15-20 дней после начала Великой Отечественной войны Красилов оказался за линией фронта. Примерно в июле-августе 1941 г. у нас установилась оккупационная власть. В городе появились четыре немецких жандарма. Кроме них, был ещё управляющий хозяйством. После появления жандармов была создана охранная полиция, состоявшая из советских граждан. Сразу после создания полиции оккупанты начали концентрировать в Красилове всё еврейское население окружающих сёл. Этим занимались полицейские при содействии немецких жандармов. Согнанное население сначала поселили в трёх длинных одноэтажных домах в районе нынешнего базара. Раньше в этих домах находился районный финотдел, отдел землеустройства, парикмахерская и какой-то склад. Сколько людей согнали в эти дома, мне неизвестно. Знаю, что теснота там была ужасная. Людям было буквально некуда лечь. Кроме того, часть жителей окрестных сёл поселилась у родственников и знакомых в Красилове.

До 1 января 1942 г. всех евреев Красилова, за исключением специалистов и их семей, согнали в т.н. гетто, которое оккупанты создали на территории нынешнего базара. Гетто было огорожено колючей проволокой. За ограждением находилось 20-25 домов, в которых люди жили в тесноте. Еврейские дома за пределами гетто были снесены. Гетто охраняли круглосуточно 2-4 полицая. Вначале охрана не была строгой. Некоторым обитателем гетто по договоренности с полицаями удавалось сходить на базар для обмена вещей на продукты питания. Официально евреям было запрещено появляться на базаре. Оккупанты не обеспечивали обитателей гетто продуктами питания. Хуже того, в гетто не было ни одного колодца, но покидать гетто, чтобы принести воду, тоже не разрешалось. Обитатели гетто могли ходить за водой только благодаря снисходительности некоторых полицаяев.

Специалисты, т.е. сапожники, стекольщики, жестянщики и др. жили за пределами гетто в тех самых трёх домах, в которые вначале были заселены евреи, согнанные из окрестных сёл. Там жил и я как специалист, а именно: стекольщик и сапожник. В гетто я

не жил, однако имел возможность ежедневно встречаться с его обитателями, которых гнали на тяжёлую неквалифицированную работу, например, на ремонт дорог и подсобные работы на сахарном заводе. За работу евреи не получали ни денег, ни какого-то другого вознаграждения. Наряды на работу давало районное управление, в то время как на полицию возлагалась ответственность за исполнение.

25 или 26 апреля 1942 г. с помощью полицая в местное отделение жандармерии вызвали Мойше Гамершмита, самого уважаемого и образованного человека в гетто. На обратном пути, Гамершмит, ещё не дойдя до ворот гетто, упал в обморок. Тут же вокруг него столпились находившиеся поблизости родственники. Случайно там оказался и я. На лице Гамершмита были следы побоев. Из-под ногтей сочилась кровь. Придя в себя, он стал кричать на идиш, чтобы люди прятались, где только можно, потому что всем грозит смерть. Потом он рассказал, что немцы в жандармерии приказали ему собрать утром 1 мая 1942 г. возле ограждения всех обитателей гетто. По его словам, немцы объявили, что евреев Красилова переселят в какое-то другое место. Они разрешили взять с собой вещи весом не более 16 кг на каждого взрослого и до 8 кг на ребёнка.

1 мая 1942 г. узники гетто собрались на том месте. Три немецких жандарма (их начальник отсутствовал) вместе с полицаями, которые были местными жителями, повели колонну за пределы города. Позже оказалось, что этих людей привели в спецлагерь в селе Орлинцы. Мы узнали об этом, поскольку часть людей убежала оттуда и снова поселилась в гетто. 2 мая 1942 г. в Орлинцы оккупанты повели тех жителей гетто, которые 1 мая сумели избежать угона. Главным образом, это были те, кто 1 мая бежал из гетто. В последующие дни немцы привели в Орлинцы небольшие группы задержанных евреев. Были такие, кого гнали в Орлинцы несколько раз.

2 мая моего отца, Меера Гершковича Каца, привели в Орлинцы. В конце мая 1942 г. немцы начали уводить в Орлинцы также специалистов. Как раз тогда я тоже попал в упомянутый лагерь. Нашу группу из 44 человек сопровождали двое жандармов и двое полицаяев. Когда вышли за пределы города, жандармы остались, и нас охраняли только двое полицаяев. Мы прошли в общей сложности 25 км. 8 человек, которые отстали от колонны, полицаи расстреляли. Впрочем, полицаи, ехавшие верхом на лошади, утверждали, что немцы дали им право расстреливать отставших. Кто им дал такой приказ, мне неизвестно.

В Орлинцах нас разместили в бывшей колхозной конюшне, из которой не убирался навоз. Там находились ранее согнанные жители Красилова и сёл Кульчин, Кузьмина и Базалии. Конюшню охраняли местные полицаи. Она не была ограждена колючей проволокой. В этом лагере было очень мало продуктов питания. Стариков немцы заперли во второй половине конюшни, их не обеспечивали ни продуктами питания, ни водой. Начальником лагеря назначили одного немца из Антонин. Он был из числа жандармов. Каждое утро узников лагеря вели на «работу». На самом деле это было издевательство. Эта «работа» заключалась в следующем: шесть человек запрягали в телегу и гнали свыше 5 км на Антонины. Там недалеко от бывшего имения графа Потоцкого на телегу грузили тяжёлые камни и везли их в Орлинцы. На следующий день эти же камни перевозили назад, а вместо них брали другие. Однажды мне пришлось тоже тянуть эту телегу. Её сопровождали полицаи. Немцы, наблюдавшие за этим в Антонинах, только смеялись и подгоняли нас. Были также другие виды «работы». Вместе со мной в конюшне находилось примерно 100 человек.

На 4-й или 5-й день моего пребывания в Орлинцах мне удалось бежать, и я вернулся в Красиловское гетто. Мне некуда было больше идти. А точнее, я вернулся на своё прежнее место жительства, в дом для специалистов рядом с гетто.

Однажды в июле или августе 1942 г. немцы при поддержке местных полицаев увели из гетто всех остававшихся там жителей. Это были старики и дети, которых ещё не угоняли в Орлинцы. Там также находились молодые мужчины и женщины, которым разными способами удавалось избежать предыдущих угонов в Орлинцы. Были и такие, как я, т.е. бежавшие обратно из Орлинцев. Тех, кто не могли идти, сажали на подводы. В этой группе были мои мать и отец, которому удалось вернуться из Орлинцев, двое детей (в возрасте 7 лет и 1 года), кроме того, двое детей моей сестры и один ребёнок моего брата. Кроме перечисленных, были также многие из моих дальних родственников. Об этом событии я узнал только из рассказов горожан, поскольку бежал из дома в ночь накануне. Родителей и детей я оставил, так как ходили слухи, что детей и стариков куда-то уводят.

Последнюю группу, о которой идёт речь, оккупанты повели в село Маневцы. Говорили, что там создали новый лагерь для евреев. Оставшихся специалистов переселили из прилегающих домов в лагерь. Я тоже оказался в гетто после того, как вернулся на прежнее место жительства. Теперь территорию гетто уменьшили и огородили двумя рядами колючей проволоки. Находясь за ограждением, мы узнали всё-же из разговоров с полицаями, что людей, которых увели в Маневцы, на третий день после этого расстреляли недалеко от села. Численность угнанных в первой группе на Маневцы мне неизвестна. Туда привели также евреев из Кульчин, Кузьмина, Базалии и некоторых жителей Теофиополя. По слухам, в Маневцах в общей сложности расстреляли около 4000 человек.

Я жил в гетто до сентября 1942 г. Примерно 10-12 сентября мы заметили, что охрана гетто усилилась. К тому времени в гетто находилось примерно 300 человек. Это были специалисты с их семьями и другие граждане, кому удалось избежать предыдущих угонов. Поскольку из прежнего опыта было известно, что усиление охраны означает предстоящие репрессии, часть узников гетто решила на побег. В ту ночь бежало около 30 человек, в том числе и я. Многие из бежавших впоследствии погибли. Однако я остался живым, поскольку скрывался у знакомых в окрестных сёлах и других местах. Из чужих слов я узнал, что после нашего побега остававшихся в гетто тоже расстреляли в Маневцах.

Вопрос: Можете ли Вы назвать немецких жандармов в Красилове, принимавших участие в описанных Вами преступлениях?

Ответ: Как я уже упоминал, в Красилове было четыре немецких жандарма. Все они участвовали в описанных преступлениях. Однако я не могу назвать их имена и сообщить о них другие принципиально важные сведения. Также не могу конкретизировать меру их вины в произошедшем. Знаю, что начальником жандармерии был немец примерно 1910 г.р. Звали его «Meister»(хозяин). Он был среднего роста, полный, с большим животом. Других его примет не помню. Кроме начальника, помню ещё одного жандарма по имени Карл. Его фамилия и звание мне неизвестны. Он был высокого роста, атлетического сложения. Под правым глазом у него был шрам длиной 2-3 см. Шрам тянулся почти параллельно носу. Других примет Карла назвать не могу. Евреи называли его в разговорах между собой «молотильщиком». Дело в том, что он избивал всякого еврея, который попадался на его пути. Однажды он избил меня, когда

со мной встретился. Повелев подойти к нему ближе, Карл дважды ударил меня кулаком в лицо. Других жандармов я назвать не могу.

Вопрос: Какова судьба Мойше Гамершмита?

Ответ: Гамершмит погиб в июле-августе 1942 г. во время массового расстрела в селе Маневцах.

Вопрос: Кто из полицаев, сопровождавших Вас в Орлинцы, убивал отставших от колонны людей?

Ответ: Тогда нас сопровождали полицаи Михалик [?] (имени и отчества не помню) и Ксенофонт Заика (отчества не помню). Насколько мне известно, после освобождения нашей страны от оккупантов оба были приговорены к смертной казни через расстрел. Меня допрашивали как свидетеля во время суда над этими лицами. Оба осуждённых убивали мирных граждан.

Подписи свидетеля и следователя

Подтверждаю подлинность копии протокола: помощник прокурора Хмельницкой обл., старший советник юстиции Н.Зарубин (подпись)

30 мая 1973 г.

Печать: прокурор Хмельницкой обл.

Подлинность перевода подтверждаю: Вальдемар Авакович

За подлинность копии
Дортмунд, 4 октября 1973 г.
Служащий юстиции Лангер (подпись)

На печати: прокуратура Дортмунда